

Го Тана нельзя было не пригласить. Кто его только на должность губернатора Датун назначил? Этот губернатор Датун вообще ничего полезного не сделал, а теперь, пользуясь своим положением, сидел на пиру, наслаждаясь плодами чужого труда.

Но Ван Чжи не собирался оставлять его в покое. Во время ужина командующий Ван выместил на Го Тана всю свою досаду из-за побега Ли Цзылуна. Не выдержав колкостей, Го Тан покраснел от смущения и подозвал к себе красивую служанку, чтобы та подала ему вина. Служанке той, по всей видимости, заняться было особо нечем, так что она только и делала, что подливала вино губернатору Го, напоив того до беспамятства.

Слушая поддразнивания Ван Чжи, Тан Фань не знал, плакать ему или смеяться. Однако он понимал, что Ван Чжи таким образом не только вымещает гнев: за его, казалось бы, импульсивными поступками скрывалось кое-что еще.

Во-первых, хоть Ван Чжи и не имел к фракции Ваней никакого отношения, из-за благородной наложницы Вань многие считали его их сторонником. Но он всегда держался сам по себе и не желал слушать никого, включая фракцию Ваней, в отличие от главы Восточной Ограды Шан Мина, что бежал, виляя хвостиком, по первому их зову.

После того как он в последний раз тайно помог наследному принцу, фракция Ваней окончательно отеклась от него и даже отправила в Датун Го Тана, чтобы тот вставлял Ван Чжи палки в колеса. Все это ужасно раздражало Ван Чжи, так что своим отношением к Го Тану он демонстрировал окончательный разрыв с фракцией Ваней.

Отныне они друг другу были никто.

Во-вторых, каким бы некомпетентным ни был император Чэнхуа, будучи императором, он не желал, чтобы все его подданные объединились и дружно держали его за дурака. Так, например, он делал все, что скажет ему благородная наложница Вань, но это нисколько не мешало ему на время сместить ее младшего брата с должности в качестве предупреждения.

Ван Чжи специально для императора демонстрировал, что он противостоит фракции Ваней. То, что две стороны без конца жаловались друг на друга, скорее всего, не разозлило бы, а обрадовало последнего.

А вот кому в итоге прислушается император, зависело от того, чьи жалобы будут звучать наиболее убедительно. Каждый делал все, что в его силах, чтобы обогнать соперника.

В-третьих, поскольку Ван Чжи склонялся на сторону наследного принца, ему приходилось доказывать тому свою преданность. Как бы далеко ни находился Датун, слухи о его ссоре с Го Таном, рано или поздно достигли бы столицы и ушей сторонников наследного принца.

А самым главным было то, что теперь Ван Юэ с Ван Чжи были во славе, а у тех, кто высоко сидит, всегда много завистников. Даже малюсенькое проявление слабости с их стороны позволило бы окружающим спать спокойно.

Так что вызывающее до беззакония поведение командующего Вана не было таким уж безрассудным. В официальных кругах за каждым шагом и жестом скрывается нечто большее, а

те, кто не в силах этого разглядеть и понять, долго не живут: либо о них вытрут ноги и растопчут, либо они так и останутся всю жизнь сидеть на одном месте.

К счастью, Тан Фаня все это не особо волновало.

Блюда на столе увлекали его намного больше, чем испорченная репутация Го Тана и та красивая служанка.

“Тефтельки четырех благословений”, “Зал сокровищ”, “Курица удачи”, “Рыба изобилия”, “Рост и достаток”...

Ван Юэ специально велел подобрать блюда с говорящими названиями, чтобы выразить таким образом свою признательность.

“Тефтельки четырех благословений” представляли собой тушеные в соевом соусе “Головы львов” (тефтельки).

“Залом сокровищ” называли трехцветные яичные рулетики.

Слово “курица” (雞, Jī) созвучно “удаче” (吉, Jí), поэтому “Курица удачи” и было дано такое имя (на самом деле - 雞柳, что означает “пожелание удачи”). Это была холодная закуска из нежной тушеной без костей курицы и измельченного огурца.

“Рыба изобилия” – огромный приготовленный на пару окунь-ауха, политый соусом из зеленого лука с маслом, подчеркивающим вкус рыбы.

“Рост шаг за шагом” – рисовый пирог, что среди простого люда принято обычно было есть на новый год. Для пира в комендантском особняке его, конечно же, приготовили по более изысканному и дорогому рецепту.

На стол подали также супы и блюда на любой вкус из пресноводных обитателей – выбор был большой.

Хозяин дома рассчитывал, что Тан Фань с Суй Чжоу на пиру отдохнут, расслабятся и вдоволь насладятся кушаньями.

Впрочем, Суй Чжоу не был столь одержим едой, так что единственным, кто по-настоящему оказался счастлив, был Тан Фань.

По завершении празднества Ван Юэ велел проводить напившегося в стельку Го Тана в особняк губернатора.

А Тан Фань с остальными поднялись из-за стола, чтобы попрощаться, сославшись на то, что им пора собирать вещи и готовиться к возвращению в столицу с докладом Его Величеству.

Ван Юэ все прекрасно понимал, а потому не стал их задерживать и лично проводил до ворот.

Ван Чжи ушел вместе с ними. Видя, что тот совсем не улыбается, Тан Фань решил, что

причиной тому Ли Цзылун, и предпринял попытку утешить его:

— Коли Ли Цзылун сумел улизнуть, стало быть судьбой ему предначертано еще походить по земле! Едва ли Двор начнет давить на вас, когда такая великая победа одержана!

— Я не о том переживаю, – покачал головой Ван Чжи.

— А о чем же? – поднял бровь Тан Фань.

— Ранее, прося вернуть меня в столицу, я жаловался на свое здоровье, но все мои просьбы были отклонены. Мне было велено остаться в Датуне. Боюсь, если отправлю еще одно прошение, Его Величество снова мне откажет.

— Но ты добился такого успеха, – озадаченно пробормотал Тан Фань. – Его Величество должен позволить тебе вернуться в столицу.

Он имел в виду не то, что император настолько оценит труды Ван Чжи, что пожелает вернуть его в столицу, а то, что если тот не вернется, так отличившись на поле боя, его слишком высокое положение беспокоит Двор.

— Ты что, не знаешь этих Ваней? – с хмурым лицом спросил Ван Чжи. – Дело не в согласии Его Величества, а в том, что они обязательно найдут способ отправить меня куда подальше и от Датун, и от столицы. Пошлют в Нанкин на пенсию. Его Величество слишком внушаем. Лишь согласно кивнет на их наговоры.

— На самом деле, есть один способ без проблем вернуться в столицу, – немного подумав, проговорил Тан Фань.

Ван Чжи пошел с ними как раз потому, что желал получить совет. Слова Тан Фаня привели его в восторг.

— Знаешь, что делать?

— Позволь сначала спросить: ты несколько раз упоминал, что нездоров, в своих прошениях?

— Не просто нездоров, – закатил глаза Ван Чжи. – Сглазил себя, сообщив, что при смерти, но Его Величество все равно не позволил мне вернуться!

— А ты хоть раз упоминал о том, что готов оставить свой пост и вернуться в столицу лишь ради того, чтобы служить Его Величеству с благородной наложницей?

— Никогда, – оторопел Ван Чжи.

Разве мог столь амбициозный человек хоть день обойтись без власти? А если император воспримет его слова всерьез и действительно лишит поста? Кому ему тогда плакаться?

— У Его Величества мягкое сердце, – покачал головой Тан Фань. – Но он не станет проявлять свое мягкосердечие просто так. Ты должен придумать причину, которая тронет его. Сейчас Западная Ограда закрыта. Даже если не попросишь об отставке, разве не придется начинать

все сначала? Тогда о чем ты беспокоишься? Ты вырос во дворце, это твой дом. Даже если фракция Ваней вмешается, они не смогут помешать тебе попросить об упокоении на родине, так?

Ван Чжи сплюнул. Этот парень был воистину прямым, как палка. “Попросить об упокоении” означало вернуться в родной город на пенсию. Тан Фань был прав: дворец – дом Ван Чжи, как император мог не согласиться?

Кажется, это вполне осуществимо?

— Есть еще одна проблема, – не унимался Ван Чжи. – А если они используют мои жалобы на здоровье как предлог, чтобы отправить меня в Нанкин восстанавливать силы, что тогда делать?

— Ты же страдаешь от о-о-очень серьезного артрита, – невозмутимо отвечал Тан Фань. – Доктор велел тебе избегать сырых и холодных мест. На юге влажнее, чем на севере. Как можно лечиться там?

Сильно! Действительно сильно!

Ван Чжи чуть было не показал ему большой палец, но решил, что это будет не слишком уместно, и, вновь нацепив маску равнодушия, степенно проговорил:

— Тан Фань, я признаю тебя своим другом.

— Звучит обидно, командующий Ван, – рассмеялся Тан Фань. – Я думал, мы давно друзья!

— Случайных знакомых и приятелей тоже друзьями кличут! – усмехнулся Ван Чжи.

— Уже поздно, – внезапно подал голос Суй Чжоу. – Пора возвращаться. Я попросил служащих станции приготовить суп из семян лотоса и маша. Если успеем, сможем перекусить. Задержимся – постоит и станет невкусным.

Хоть Тан Фань только что и наелся до отвала, услышав про сладкий суп, мгновенно выпалил:

— Тогда поторопимся! Прощай, командующий Ван!

После чего вежливо сложил руки, слегка поклонился Ван Чжи и рванул вперед, таща Суй Чжоу за собой.

“...” – Ван Чжи не успел ничего ответить, лишь стоял, беспомощно глядя им вслед.

На самом деле, Суй Чжоу был недоволен, размышляя: “Как я могу позволить тебе придирааться к человеку, которого я берегу как зеницу ока?”

Конечно, слова эти были не для посторонних ушей.

Больше десяти дней спустя, когда самочувствие Лу Яня улучшилось и он был в состоянии передвигаться в повозке, Тан Фань и его люди отправились обратно в столицу.

Их отряд потерял Вэй Шаня, но приобрел Ду Гуй-эр.

Пока Лу Янь лечился в Чжунцзинтане, у них с Ду Гуй-эр, что все это время заботилась о нем, возникли чувства друг к другу.

В ту злополучную ночь испытанию подверглись не только людские стойкость и сила воли, но и сердца. Хотя Ду Гуй-эр в то время и не была подле Лу Яня, из уст других узнала, что тот получил серьезные травмы, защищая своего товарища. Но к сожалению, Вэй Шань все равно погиб от руки Ли Цзылуна, притворявшегося Чу Юньцзы. У Лу Яня так и не вышло спасти жизнь своему другу.

Но Ду Гуй-эр очень оценила его преданность, а затем после бесед с выздоравливающим в Чжунцзинтане Лу Янем еще больше впечатлилась его высокими моральными качествами.

На самом деле, прошлые теплые чувства, что Ду Гуй-эр испытывала к Суй Чжоу, были чем-то вроде восхищения перед сильным. Стойкость и внимательность Лу Яня заставили ее осознать, что ей нужно на самом деле.

Доктор Ду уже давно ужасно беспокоился о своей дочери, практически уверенный в том, что та никогда не сможет выйти замуж. Лу Янь, который внезапно понравился Ду Гуй-эр, был просто подарком Небес. Человек он был хороший, да и, как узнал доктор Ду, из семьи не военного, а вполне себе зажиточного столичного торговца, так что отец очень быстро дал свое согласие на брак.

Поскольку в семье Ду было всего две дочери, Лу Янь даже пообещал, что их первый ребенок будет носить фамилию Ду, привед этим доктора Ду в неописуемый восторг. Боясь упустить возможность, тот решил требующие большого количества времени организационные вопросы в кратчайшие сроки и подготовил все необходимое к женитьбе всего за полмесяца.

Тан Фань с Суй Чжоу тоже присутствовали на свадьбе в качестве свата и начальника.

Вот почему Ду Гуй-эр ехала с ними в столицу. Будучи молодой хозяйкой семьи Лу, она должна была поприветствовать родителей Лу Яня.

Обрадуются те или оторопеют, узнав, что их сын вернулся с женой, было неизвестно.

По прошествии стольких месяцев столица оставалась прежней. Ничье отсутствие или приезд были не в силах изменить ее уклада.

Да даже если сам император умрет, жители максимум месяца три проходят в трауре, и жизнь будет течь своим чередом.

Ван Чжи с Ван Юэ нужно было уладить все вопросы после битвы в Датуне, так что в столицу они пока не спешили.

Самое важное – прошение командующего Вана о возвращении во дворец “на пенсию” – было при Тан Фане, поскольку стандартным путем оно, вероятно, никогда бы не достигло императора.

Доклад императору вышел ничем не примечательным. Тан Фань и его люди справились с поручением без сучка и задоринки. Фракция Ваней, в худшем случае, могла лишь облить их помоями за побег Ли Цзылуна, но отрицать их заслуги в раскрытии заковыристого дела Вэйнин Хайцзы и своевременном докладе о наступлении врага не могла.

А вот по поводу Ли Цзылуна Тан Фаню было что сказать. Этот человек был осужден на смертную казнь. На приговоре Министерства Наказаний стояла печать самого императора. Такой преступник не мог улизнуть из-под носа у Двора без помощи со стороны. Разве это не означает, что при Дворе есть предатель, который вступил в сговор с Ли Цзылуном и даже помог ему сбежать? По хорошему, при проведении расследования начать следовало именно с этого!

Взвесив все за и против и осознав, что победа достанется им слишком большой ценой, фракция Ваней была вынуждена отступить. Они даже возвращению Ван Чжи в столицу никак не препятствовали. А прошение того, составленное по совету Тан Фаня, действительно тронуло императора. Он не только согласился вернуть Ван Чжи в столицу, но и назначил его на должность Держателя пера (позиция второго плана после Хранителя печати. Равносильна по статусу главе Ограды) в Управлении императорскими конями (связано с армией, одно из самых высоких управлений при Дворе. Хранитель печати в нем сейчас Лян Фан, тот самый, что наклеветал на Тан Фаня).

Но это все было потом.

Сейчас Тан Фань с Суй Чжоу были вознаграждены золотом, серебром и шелками за выдающуюся работу, а также несколькими днями отдыха, по истечении которых следовало вернуться обратно на службу.

Сдавшие в один год с Тан Фанем императорский экзамен товарищи были ужасно недовольны из-за того, как с ним обошлись: тот столько пережил и чуть не лишился жизни, а повышения так и не получил – все труды насмарку.

Однако Тан Фань прекрасно понимал, что, как бы ни была хороша занимаемая им должность, повышение получить не так-то просто: в каждой ямке по одной редиске – твое повышение означало бы чье-то смещение.

Тан Фань и так достаточно быстро поднялся. Среди сдавших с ним в один год императорский экзамен и среди молодых людей его возраста, конечно, встречались обладатели четвертого ранга, но их было очень и очень мало, так что Тан Фаня можно было назвать счастливчиком.

Фракция Ваней его пока не беспокоила, за что он должен был благодарить Небеса и жечь благовония Будде. Желание получить повышение в такой ситуации смерти подобно. Лучше расслабиться и плыть по течению.

То, что должно стать твоим, никуда не денется. Рано или поздно ты это получишь. А ловить то, что тебе не предназначается, бессмысленно.

По возвращении в столицу дни свои Тан Фань коротал легко и приятно.

Он наконец смог заниматься обычными делами чиновника, а по возвращении домой играть с племянником, развлекать сестру, есть приготовленные А Дун вкусности – что еще нужно для счастья?

Ох, ну конечно, если бы Суй Чжоу перестал все время бросать на него многозначительные взгляды, господин Тан чувствовал бы себя намного лучше.

Чувства Суй Чжоу были как на ладони. Все, что можно было сказать, тот уже сказал в Датуне, а все, что нужно было сделать, сделал у Вэйнин Хайцзы. Но, каким бы умным и сообразительным ни был Тан Фань, он плохо разбирался в подобного рода вещах и совершенно не представлял, как должен реагировать.

Сказать, что он чувствовал неприязнь, было нельзя. По крайней мере, отвращения Тан Фань после той ночи к Суй Чжоу не испытывал.

Но признать, что ему это нравится, чертовски нравится, господин Тан тоже не мог.

Другими словами, он был вполне доволен тем, что имеет сейчас, и не хотел ничего менять. Они уже и так очень хорошие друзья – зачем настаивать на чем-то большем?

Останется ли все по-прежнему после этого?

Пытаясь разобраться в себе, вечно легкомысленный и непрошибаемый, господин Тан впервые в жизни по вечерам часа по два страдал бессонницей, а на утро поднимался бодрым и веселым, общаясь с Суй Чжоу как ни в чем не бывало. Подобная напускная бравада заставляла главу Двора Суй чувствовать себя беспомощным.

Увы, таков был господин Тан. С таким как он, кто, даже если бы небо рухнуло, лишь под одеяло с головой бы залез, в подобных делах торопиться было нельзя.

К счастью, Суй Чжоу давно привык к его манере поведения. Обнаружив, что метод медленной варки лягушки в теплой воде не сработает, он решил сменить тактику.

Что это была за тактика, он пока держал в секрете. Возможно однажды Тан Фань не сможет сбежать.

С тех пор как Хэ Чэн переехал со своей матерью в столицу, он постепенно становился все более живым ребенком. К тому времени, как Тан Фань вернулся из Датун, его маленький племянник уже ничем не отличался от обычных детей. Он больше не был таким угрюмым и сдержанным и даже лазал с А Дуном по деревьям.

Конечно, дабы воспитать хотя бы с виду более-менее благовоспитанную барышню, способную одурачить посторонних и не стать одной из тех, кого никто замуж не возьмет, Тан Фань за ухо стащил А Дуна с дерева, в то время как преображению Хэ Чэна, как его дядя, был очень рад.

Да что Хэ Чэн! Даже его сестра Тан Юй отбросила прежнюю осторожность, которую ей приходилось соблюдать в доме Хэ, и стала такой, какой была в девичестве.

Никто не хочет носить маску, чтобы выжить. Человек ломает свой характер лишь ради того, чтобы приспособиться к враждебной окружающей действительности. В мире было десятки миллионов женщин, вроде Тан Юй, и ее судьба сложилась не самым трагичным образом, ведь не у всех есть такой младший брат, как Тан Фань, имеющий желание и возможность помочь.

Вот почему Тан Юй чувствовала себя счастливницей.

Однако по возвращении Тан Фань узнал от А Дун, что, пока его не было в столице, из округа Сяньхэ приехал его зять. Отыскав дом Тан, он лично явился к его воротам, желая забрать жену с сыном, ведь, хоть Тан Юй с Хэ Линем и жили теперь отдельно, номинально та все еще была невесткой семьи Хэ, а ее имя числилось в их родовом реестре. Требование Хэ Линя было вполне законным.

Тан Юй, конечно же, отказалась. Даже Хэ Чэн не захотел уезжать со своим отцом. Пристыженный и разгневанный, Хэ Линь велел сопровождавшим его слугам схватить их и увести, и тогда А Дун пошла в бой. Маленькая девочка одна против нескольких взрослых мужчин. Схватив длинный меч, что сделал для нее Суй Чжоу, она избила людей Хэ, заставив бежать так, что только пятки сверкали.

Тан Фань знал Хэ Линя – столь высокомерный человек не стал бы ни с того ни с сего являться и пытаться увести Тан Юй с Хэ Чэном. Должно быть, что-то случилось – и, дабы выяснить, что именно, он тайно отправил людей в округ Сяньхэ для расследования.

И расследование принесло плоды.

Слухи об уходе Тан Юй из дома семьи Хэ распространились по всему округу Сяньхэ. Хоть те и говорили, что сделано это было, чтобы вторая невестка Хэ поправила свое здоровье, любой более-менее проникательный человек заподозрил бы, что что-то здесь нечисто. Да и слуги семьи Хэ любили иногда языками чесать. Все это привело к тому, что слухи вскоре превратились в нечто совершенно безобразное. Одни говорили, что семья Хэ издевалась над невесткой и Тан Юй больше не могла терпеть унижений. Другие – что Тан Юй завела роман с прелюбодеем из столицы, так что, воспользовавшись высоким положением брата, бросила своего мужа и сбежала из дому. Слухи были разными.

Масло в огонь подлило и то, что со смертью Вэй Цэ финансовое состояние семьи Вэй резко ухудшилось. В одночасье не стало самого богатого человека округа. Это было дело семьи Вэй, но репутация семьи Хэ, как их родственников, тоже изрядно пострадала. Впрочем, семья Хэ не была какими-то нуворишами без чести и достоинства, и господин Хэ не стал заставлять своего младшего сына разводиться с госпожой Вэй, а иначе бы лишь подтвердил слухи о жестокости из семьи.

До того, как все это произошло, Хэ Сюань успел сдать последний этап императорского экзамена. Хоть попал лишь в конец второго списка и в императорскую академию не поступил, теперь он был намного более многообещающим, чем его второй брат Хэ Линь. Старик Хэ не хотел, чтобы его младший сын, подобно старшему, годами не мог вернуться домой, так что воспользовался старыми связями в столице и, пусть и с огромным трудом, но пристроил Хэ Сюаня в Министерство Наказаний на должность скромного архивариуса восьмого ранга.

Ради сохранения репутации семьи Хэ и успешной карьеры своего младшего сына старик Хэ принял важное решение: семья переедет в столицу.

Хоть несколько поколений семьи Хэ и были чиновниками, а округ Сяньхэ располагался недалеко от столицы, столичными жителями назвать их было нельзя. В округе Сяньхэ семья Хэ имела огромное влияние, тогда как в столице они были практически никем, а вошедшему в Шесть Министерств Хэ Сюаню периодически была необходима помощь и поддержка.

Со своими старыми коллегами старика Хэ связывала лишь прежняя работа. Порой их можно было попросить об одолжении ради воспоминаний о давно прошедших днях, но требовать, чтобы те регулярно заботились о Хэ Сюане, было нельзя.

А вот Таны приходились семье Хэ родственниками. Правда, из-за того, что Хэ Линь поссорился со своей женой, старик Хэ и рад был бы попросить Тан Фаня о помощи, да не мог слишком уж сильно нагнеть. Но соблазн был велик, ведь Тан Фань прежде служил в Министерстве Наказаний. Кто, как не он, мог лучше всех позаботиться о Хэ Сюане?

Другими словами, заварил же Хэ Линь кашу.

А расхлебывать третьему сыну семьи Хэ, Хэ Сюаню.

Поступив в Министерство Наказаний, Хэ Сюань обнаружил, что Тан Фань был еще более могущественным, чем он себе представлял.

От своих коллег и начальства он узнал, что Тан Фань, пока служил в Министерстве Наказаний в должности старшего чиновника пятого ранга, осмелился в открытую противостоять левому помощнику министра наказаний. Боролись эти двое так, что только перья летели. В конце концов Тан Фаня уволили, но могущественный помощник министра совсем ничего не выиграл, скорее потерял: был отправлен пастись в Нанкин.

А его противник в это же время быстренько восстановился в должности. Да не просто восстановился, а получил повышение на ранг.

Насколько же велики его возможности?

Старший чиновник пятого ранга осмелился бросить вызов помощнику министра третьего ранга! Он либо с ума сошел, либо его покровитель был настолько могущественен, что даже помощник министра ему в подметки не годился.

Хэ Сюань знал Тан Фаня. У человека, что смог раскрыть дело семьи Вэй, с головой точно было все в порядке, а значит, единственным вариантом оставалось лишь то, что Тан Фань заручился поддержкой кого-то очень влиятельного, для кого помощник министра был не проблемой.

Хоть Тан Фань больше не служил в Министерстве Наказаний, здесь он был настоящей притчей во языцех. Все, кто своими глазами наблюдал за развернувшейся когда-то в этих стенах битвой, при упоминании имени Тан Фаня менялись в лице.

Посторонние не знали, что Хэ Линь с женой были в ссоре. Им было известно лишь то, что Хэ

Сюань с Тан Фанем – родственники, так что, хоть первый и был новичком в официальных кругах, издеваться над ним не смели и относились с некоторым уважением.

Сначала Хэ Сюань никак не мог взять в толк, что происходит, а затем, узнав, как обстоят дела, решил порасспрашивать, что да как.

А разузнав обо всем, чуть воздухом не подавился.

Оказалось, что столичный цензор в Императорском Цензorate был начальником и учителем Тан Фаня.

Глава Двора Императорской Стражи, прибывший в округ Сяньхэ за Тан Фанем, был его лучшим другом.

Пань Бинь, которого не так давно назначили на должность правого помощника министра обрядов, был старшим соучеником Тан Фаня.

Ходили слухи, что бывший глава Западной Ограды, а ныне Держатель Пера в Управлении императорскими конями, печально известный евнух Ван Чжи, был его закадычным другом.

Не говоря уже о товарищах Тан Фаня, сдавших с ним в один год императорский экзамен.

Со всеми этими связями неудивительно, почему тот не боялся этого левого помощника министра.

Стоит отметить, что слухи обладают огромной силой, способной похоронить правду. Да, Лян Вэньхуа был сослан в Нанкин, но не потому, что Тан Фань обладал такой силой, как думали окружающие, а потому, что в процессе борьбы между фракциями наследного принца и Ваней последние решили пожертвовать им, как пешкой.

Но, как читатели бульварных романов готовы поверить в самую невероятную их часть, так и не знающий всей правды Хэ Сюань поверил в то, что ему сказали.

И тотчас поделился услышанным со стариком Хэ.

До этого, семья Хэ, может, и ворчала на Тан Фаня за то, что тот поднимает шум из-за ничего, тем самым насылая на их семью беды, а Хэ Сюань злился на него за то, что случилось с семьей его жены, но после всего этого они поняли, что, если хотят благополучно устроиться в столице, следует наладить хорошие отношения с Тан Фанем.

В далеком округе Сяньхэ, как говорится, “с глаз долой – из сердца вон”, но теперь, в столице, прямо под носом друг у друга разве можно делать вид, что они чужие?

Не говоря уж о том, что если Тан Фань вдруг решит выступить с заявлением, рассказав, что не в ладах с семьей Хэ, и высказав все, что о них думает, Хэ Сюаню в Министерстве Наказаний придется несладко.

Так что прежде, чем окончательно перебраться в столицу, господин Хэ отправил Хэ Линя просить прощения у своей жены. Супружеской чете было бы лучше помириться, чтобы впредь не испытывать неловкости при встрече друг с другом, а семье Хэ не стесняться попросить при случае помощи семьи Тан.

Вот почему Хэ Линь явился к их воротам.

И все испортил, окончательно проведя черту между двумя семьями.

Послесловие автора:

Счастливого рождества, читатели!!!

Если хотите отправить рождественский подарок господину Тану, укажите следующий адрес:

Великая Мин, Пекин, префектура Шуньтянь, улица Динфу, переулок, что подле лавки с баоцзы “Сунцзи” (Сунцзи же? Если не уверены, можете указать: “в которую левый помощник столичного цензора Тан Фань ходит чаще всего”), особняк Тан.

О, конечно, можно изменить адрес получателя на “особняк Суй”~

В те времена у домов не было номеров, главное – отыщите улицу Динфу, а дальше все просто. Господина Тана и главу Двора Суй в том районе все знают, так что почтальон не заблудится ~

Напоминание: Не отправляйте любовные письма, иначе труп господина Тана, возможно, будет уничтожен прежде, чем тот успеет прочитать их →_→

Примечания переводчика:

В группе вк по Сыщику «Уголок СуйТанов» (vk.com/chssn) и одноименном тг-канале (t.me/tsomd) бесплатно доступна уже 103 глава, первая глава 8 тома.

ДО КОНЦА НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКОВ ДЕЙСТВУЕТ НОВОГОДНЯЯ АКЦИЯ НА ГЛАВЫ 50%!!!

Платные главы в группе (vk.com/chssn) всего за 100 руб./мес.

Следующий 8 том называется “В Восточный дворец”. Это будет самый короткий том в книге. Всего 7 глав)

<http://tl.rulate.ru/book/50212/2543486>